

После напряженного часа ожидания в коридоре у больничного крыла Гермиона почувствовала, что готова выпрыгнуть из кожи. Она ненавидела не знать, что происходит. Она знала, что миссис Уизли была права, выпроводив всех на улицу, чтобы дать Гарри возможность побыть наедине с Джинни, но неопределенность убивала ее.

Мистер Уизли настоял на том, что миссис Уизли нужно перекусить, и проводил ее в Большой зал. Билл и Флер присоединились к ним, но она и Рон предпочли остаться. Хотя она не сказала об этом прямо, она беспокоилась, что Гарри может понадобится моральная поддержка, когда он появится.

Шеннон, Джордж, Фред и даже Айрис заходили к ним, чтобы проверить, есть ли прогресс, но ни один из близнецов не мог спокойно сидеть и ждать. Рон обещал сообщить им, если что-то изменится.

Рон сел в кресло рядом с ней, рассеянно оттирая потускнение с диадемы, но тут же уснул, не оставив ей ничего, что могло бы занять её мысли. Паучий яд должен был сработать! Она даже не хотела думать об альтернативе. Если он не подействует... ни один из ее мальчиков никогда не будет прежним.

Встав со стула, она пошла по коридору, прислушиваясь к громкому храпу Рона. Наконец, поддавшись любопытству, она прислонилась головой к двери больничного крыла, толкнула ее и осторожно заглянула внутрь.

Гарри сидел в кресле рядом с кроватью Джинни, его голова покоилась на уголке ее подушки. Он не спал, но его глаза казались опущенными и близкими к закрытию. Он держал руку Джинни в своей, осторожно поглаживая ее большим пальцем.

Сердце Гермионы сжалось, и ей пришлось закрыть рот рукой, чтобы подавить вздох. Он выглядел таким потерянным и одиноким, что у нее защемило сердце. Он уже так много потерял. Судьба не могла быть настолько жестокой, чтобы завести его так далеко - так близко к концу - только для того, чтобы отнять единственное, что поддерживало его. Гермиона была уверена, что Джинни - это надежда Гарри на лучшее будущее.

Она тихо закрыла дверь и прислонилась головой к стене в коридоре, чувствуя себя так, словно вторглась в невероятно личный момент. Когда они росли вместе, она всегда чувствовала навязчивую потребность быть матерью Гарри, присматривать за ним и следить, чтобы с ним всё было в порядке. Она знала, что иногда это сводило с ума и его, и Рона, но ничего не могла с собой поделать. Возможно, это было потому, что она знала, что никто другой этого не делает.

С Роном все было иначе. Конечно, она беспокоилась о нем и суежилась вокруг него. Мерлин знал, что ему нужно было немного суежиться, чтобы вовремя сделать домашнее задание. Но все равно, это было не то же самое. С Роном все всегда было по-другому. Она всегда чувствовала необходимость заботиться о Гарри, но с Роном она всегда чувствовала, что это он заботится о ней.

Он был так яростно предан и защищал и ее, и Гарри. Хотя она никогда не призналась бы ему в этом, она всегда втайне радовалась, когда он защищал ее от Малфоя или других Слизеринцев. В то же время, было гораздо больнее, когда он насмеялся над ее "всезнайкой" Лавандой Браун.

Гермиона покачала головой. Сейчас было не время снова вспоминать всю эту историю. Речь шла о Джинни. Она не хотела даже думать о потере Джинни.

<http://tl.rulate.ru/book/41508/2532383>